

УДК 81'16:81'22
ББК 81.2

Д.И. Петренко

ВИТАЛИСТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ ЯЗЫКА В МЕТАПОЭТИКЕ СИМВОЛИЗМА

Рассматривается метапоэтика символизма, опирающаяся на деятельностную концепцию языка и творчества. Символисты делают установку на язык и искусство как жизненные силы, способствующие «пересозданию» мира, осуществляющие жизнетворчество. В метапоэтике символизма наблюдаются сложный синтез и взаимодействие лингвистики, религиозного знания, философии.

Ключевые слова: *лингвистический витализм, метапоэтика, символизм, язык, творчество, живая система.*

Петренко Денис Иванович — канд. филол. наук, докторант кафедры современного русского языка Ставропольского государственного университета
Тел.: 8-905-469-12-99
E-mail: textus2006@yandex.ru

© Петренко Д.И., 2011 г.

Человек живет в изменяющейся системе координат в мире, который непрерывно им самим создается и преобразуется. Успешные взаимодействия «живых систем», прямо или косвенно служащие поддержанию живой организации, представляют собой основание для оценки им правильности своего поведения. К «живым системам» относится и язык. Это означает, что язык, являясь средством общения людей, обладает некоторой автономностью, самостоятельностью. Это относительно саморазвивающаяся, способная к самоорганизации «живая» система. С понятием «живой» соотносятся понятия «движение» и «рост». В то же самое время язык имеет инвариантные позиции, которые препятствуют слишком быстрому и беспорядочному обновлению речи: «Каждый живой язык, если он и вправду живой, вечно движется, вечно растет. Но одновременно с этим в жизни языка чрезвычайно могущественна и другая тенденция прямо противоположного свойства, столь же важная, столь же полезная. Она заключается в упорном и решительном сопротивлении новшествам, в создании всевозможных плотин и барьеров, которые сильно препятствуют слишком быстрому и беспорядочному обновлению речи», — писал К.И. Чуковский [Чуковский, с. 496].

Существует отечественная лингвистическая традиция, связанная с изучением языка как живой системы. Среди ученых, исследовавших витальные тенденции в языке, следует назвать

А.А. Потебню и его последователей Д.Н. Овсяннико-Куликовского, А.Г. Горнфельда. Особую ветвь виталистической тенденции в языковедении и поэтике составляет теория символизма. Символисты, пытаясь создать собственную теорию творчества, обращались к идеям А.А. Потебни, в связи с этим постоянно использовали в своих работах о творчестве понятие «живой», говоря о языке. Работы символистов по исследованию языка, художественному творчеству мы относим к метапоэтике.

А. Белый, В.И. Иванов, В.Я. Брюсов, А.А. Блок и др., будучи художниками, развивали идеи, связанные с творческим характером языка. Символисты отстаивали идею «живого» языка и «живой» речи, «живого» слова в противовес слову «мертвому». Виталистическая проблема жизни языка и умирания тех или иных элементов языка в процессе его развития становится для них главной, так как символ — сложная иерархическая система значений, опирающаяся на конкретное обозначение предмета, явления, и широкое обобщение. Внутренний динамизм при некоторых инвариантных позициях, позволяющих символу функционировать в фиксированном значении в разных культурах, — особенность символа.

А. Белый считает язык могущественным орудием творчества. Он противопоставляет образное слово (метафора, символ) безобразному слову — термину. Промежуточное положение между ними в классификации А. Белого занимает «полуобраз-полутермин», который является самой большой угрозой языку и речи, так как в самом себе содержит причины разложения, умирания слова.

В статье «Магия слов» (1910) А. Белый поднимает проблему витальности языка на высокий уровень абстрагирования, рассматривает язык как творческую деятельность, которая реализует творческую энергию художника, побуждает его к творчеству. А. Белый выражает мысли виталистического характера, опираясь на термины «природа», «тайны природы», считает слово «первородным творчеством». «Живое» слово, по А. Белому, — «...выражение сокровенной сущности моей природы; и поскольку моя природа есть природа вообще, слово есть выражение сокровеннейших тайн природы. <...> Если бы не существовало слов, не существовало бы и мира. <...> В слове дано первородное творчество; слово связывает бессловесный, незримый мир, который роится в подсознательной глубине моего личного сознания, с бессловесным, бессмысленным миром, который роится вне моей личности. Слово создает новый, третий мир — мир звуковых символов, посредством которого освещаются тайны вне меня положенного мира, как и тайны мира, внутри меня заключенные...» [Белый, 1910а, с. 429—430].

Звук, считает А. Белый, соединяет пространство с временем, при этом он часто употребляет термины «живая речь», «живое слово». «Живая речь» — это непрерывная магия: «...удачно созданным словом я проникаю глубже в сущность явлений, нежели в процессе аналитического мышления; мышлением я различаю явление; словом я подчи-

няю явление, покоряю его; творчество живой речи есть всегда борьба человека с враждебными стихиями, его окружающими; слово зажигает светом победы окружающий меня мрак. И потому-то живая речь есть условие существования самого человечества: оно — квинтэссенция самого человечества» [Там же, с. 431]. Назначение человечества А. Белый видит в живом творчестве жизни, во многом посредством языка, при этом обогащается, наполняется жизненными силами и язык, и сам говорящий: «...мы должны сами наполнить живую речь познанием и творчеством; восприятие живой, образной речи побуждает нас к творчеству; в каждом живом человеке эта речь вызывает ряд деятельностей; и поэтический образ досоздается — каждым; образная речь плодит образы; каждый человек становится немного художником, слыша живое слово» [Там же, с. 433].

Главная задача речи, считает А. Белый, — творить новые образы, вливать их великолепие в души людей, чтобы этим величием покрыть мир. А. Белый говорит об эволюции языка, показывает, как образное познание претворяется в научное. При этом определяется противопоставление образного слова («живого») и слова-термина («мертвого»). Когда человечество строит цивилизацию, покоряет природу, «воздвигает храмы познания», свои достижения оно закрепляет в отвлеченных понятиях, терминах — «выпотрошенных словах». В терминах теряется образность, считает А. Белый, язык становится «сухим», его слова лишаются внутренней формы, покрываются мертвой оболочкой, становясь терминами. Такое состояние языка, по Белому, означает упадок культуры. Но на новом этапе развития культуры возникает «культ слова» — деятельная причина нового творчества. «Семя-слово» может «прорасти» сквозь твердую оболочку понятия, и это «оживление слова указывает на новый органический период культуры... слово срывает с себя оболочку понятий: блестит и сверкает девственной, варварской пестротой» [Там же, с. 434]. А. Белый считает, что преобразование слова, его жизнь упрочивает поэзия, «слово жизни... вынашивается в поэзии» [Там же, с. 448], а так как поэзия языка жива, живы и мы.

Важным является указание на то, что «оживление» слова, появление образного содержания означает «новый органический период культуры». Применяя термин «органический» — 'характеризующийся жизненными процессами; живой' [МАС], А. Белый подчеркивает, что и язык, и культура — это живые, развивающиеся процессы. Творческое слово созидает мир.

Рассмотрим, какие дефиниции языка, речи, слова с элементом «живой» использует А. Белый в статье «Магия слов» (1910). Дефиниции А. Белого кратки и выразительны. В этом видится научное мышление А. Белого-ученого. Структура дефиниции — простое предложение с прямым порядком слов, субъектно-предикатная форма. Иногда дефиниция трансформируется, приобретает характер императива, иногда имеет несколько описательный характер:

«живое слово (слово-плоть) — цветущий организм»;
 «живая речь есть всегда музыка невыразимого»;
 «сама живая речь есть непрерывная магия»;
 «творчество живой речи есть всегда борьба человека с враждебными стихиями, его окружающими»;
 «живая речь есть условие существования самого человечества»;
 «живая речь — вечно текущая, созидающая деятельность, воздвигающая перед нами ряд образов и мифов»;
 «всякая живая речь, если она откровенно не упивается словесным фейерверком звуков и образов, не живая речь, а речь, пропитанная трупным ядом»;
 «лучше бесцельно пускать в пустоту ракеты из слов, нежели пускать в пустоту пыль. Первое — действие живой речи; второе — действие речи мертвой».

Здесь актуализируется вся совокупность значений, составляющих семантическую структуру слова «живой» — 'такой, который живет, обладает жизнью; *противоп.* мертвый', 'относящийся к животному или растительному миру, органический', 'полный жизненных сил; подвижный', 'подлинный, существующий в действительности', 'деятельный, интенсивно проявляющийся', 'яркий, выразительный' [МАС].

Говоря о речи, т.е. о реализации языка в процессе художественного творчества, общения, и понимая ее как живое, активное, деятельностное явление, А. Белый рассматривает «живую» речь как способ познания и выражения невыразимого, приписывает ей особую силу воздействия, тем самым формируя проблемы, связанные с языковой относительностью. «Живое» слово — условие существования человечества и магия, так как оно содержит в себе «печать общения с самим божеством», оно зажигает воображение, побуждает к творчеству, воздвигает храмы познания, укрепляет силу духа, это созидающая деятельность со словесным фейерверком звуков и образов. «Живое» слово делает человека художником, это «цветущий организм».

Обратим внимание на словосочетание «цветущий организм». Цветущий — 'находящийся в поре физического расцвета, здоровый, красивый' [МАС]. Организм — 'живое целое (существо или растение) с его согласованно действующими органами' [МАС]. Структура значений содержит семы, связанные с жизненным, витальным началом языка.

Вслед за А.А. Потебней А. Белый говорит о слове как об исходно эстетическом феномене: «Слово есть избыток “психизма” человека; в слове человек является единственным существом, у которого “психизм” переходит в эстетическую игру; слово само по себе есть эстетический феномен» [Белый, 1910б, с. 249]. Слово индуцирует поэтическую энергию взаимодействием трех составляющих: внешней, внутренней формы и содержания. Соединение звуковой формы с внутренней образует живой, по существу иррациональный, символизм языка: всякое слово в этом смысле метафора, потенциально имеет ряд переносных

смыслов. Внутренняя форма слова мыслится символистами как некая рождающаяся глубина — в феноменологическом смысле слова.

Символисты считали, что слово несет заряд готовых Божественных и эстетических знаний, ассоциаций. «Задачей поэзии была заклинательная магия ритмической речи, — пишет В.И. Иванов в «Заветах символизма» (1916), — посредствующей между миром Божественных сущностей и человеком. Напевное слово преклоняло волю вышних царей, обеспечивало роду и племени подземную помощь «воспетого» героя, предупреждало о неизбежном уставе судеб, запечатлевало в незыблемых речениях... Поистине, камни слагались в городские стены лирными чарами, и — помимо всякого иносказания — ритмами излечивались болезни души и тела, одерживались победы, умирялись междоусобия. Таковы были прямые задачи древнейшей поэзии — гимнической, эпической, элегической. Средством же служил «язык богов», (*уточнить, есь ли запятая*) как система чаровательной символики слова с ее музыкальным и оркестрическим сопровождением, из каких элементов и слагался состав первоначального, «синкретического», обрядового искусства» [Иванов, 2005, с. 451–452].

В понимании А.А. Блока деятельностная, действенная сила слова связана с тем, что поэт воспринимает душой вселенские силы гармонии, воплощаемые в слове, которое также становится действенным, деятельностным. В работе «О назначении поэта» (1921) А.А. Блок пишет: «Похищенные (поэтом. — Д.П.) у стихии и приведенные в гармонию звуки, внесенные в мир, сами начинают творить свое дело. “Слова поэта суть уже его дела”. Они проявляют неожиданное могущество: они испытывают человеческие сердца и производят какой-то отбор в горах человеческого шлама; может быть, они собирают какие-то части старой породы, носящей название “человек”; части, годные для создания новых пород; ибо старая, по-видимому, быстро идет на убыль, вырождается и умирает» [Блок, с. 506].

Особую роль в понимании языка и его жизни играет статья В.И. Иванова «Наш язык» (1918), в которой поэт выступает против проводимой после революции 1917 г. реформы орфографии. В.И. Иванов, отталкиваясь от идей В. фон Гумбольдта, определяет язык как «дело» и «действенную силу», «соборную среду», всеми творимую и обуславливающую всякое творческое действие. Церковнославянский язык преобразил душу языка, его «внутреннюю форму», по мысли Иванова, он стал живым слепком «божественной эллинской речи». Через него русские стали сопричастны самой древности: «Язык — создание духа народного и Божий народу дар» [Иванов, 2005, с. 475].

Теория творчества В.И. Иванова пронизана мыслью о Божественной и человеческой энергии, которую заключает слово. Слово в творчестве символистов — это третье теургическое преображение его — на основе того, что оно несет уже в себе двойную ношу Божественного бытия — будучи творимым и запечатленным в «боголепных письме-

нах», оплодотворенным эллинской стихией через церковнославянский язык.

В текстах символистов язык переживает третье рождение. «Символический» поэт, по В.И. Иванову, умеет «живописать словом... живописать так, что воображение слушателя воспроизводит изображенное... с отчетливою наглядностью виденного, и вещи... названные, представляются душе осязательно-выпуклыми и жизненно-красочными, отенненными или осиянными, движущими или застылыми, сообразно природе их зрительного явления» [Иванов, 2005, с. 465].

Образы подлинного символического поэта, как считает Иванов, превышают земное и связывают нас с небесным. Поэт так актуализирует соотношение внешнего и внутреннего смыслов слова, что открывается их Божественная сущность и в ней источник жизни языка. «Потрясенная душа не только воспринимает, не вторит только вещему слову: она обретает в себе и из тайных глубин, безболезненно рождает свое восполнительное внутреннее слово. Могучий магнит ее намагничивает: магнитом становится она сама. В ней самой открывается вселенная. Что видит она над собой вверху, то разверзается в ней, внизу. И в ней — Любовь...» [Там же, с. 466].

В.И. Иванов утверждает, что истинный поэт следует за языком и творит его же, исходя из первоначального Божественного замысла. На последнем этапе — в собственном тексте — он перенимает эстафету и становится «теургом», творя новую — художественную реальность, сопричастную Божественному замыслу. Символическая поэзия призвана воскресить и оживить Божественное содержание слова и всего языка в целом. Явить Божественное значение в обычном слове призван символ. Но символизм означает «отношение», и само по себе символическое произведение как отделенный от субъекта объект существовать не может. Усилие поэта заключается в том, чтобы выразить в слове внешнем внутреннее Божественное слово, задача читателя — его услышать. Для этого надо быть подготовленным, настроенным на сотворчество.

Символисты говорят о внутреннем слове и внешнем — как страсти и сдерживании. Внутреннее — это подсознательные процессы, зафиксированные словом, связанные с инстинктами, аффективными противоречиями. Внешнее слово содержит «умиряющую систему норм» и воплощает «несказанное» — отображение культуры и жизни. Слово — кристалл человеческой культуры и ее энергия, вмещает в себе перво-родные смыслы, первопознание, аффективные состояния. В.И. Иванов говорит о «дневном свете слова», который не дает ему потерять исходный смысл. «Слово не может быть, по существу своему, алогично, так как в нем имманентно присутствует ясная норма сознания. Слово по природе соборно и, следовательно, — нравственно. Оно разрушается, если переступлены известные границы логики и морали. Слово оздоравливает; есть демоны и химеры, не выдерживающие наименования, исчезающие при звуке имени» [Иванов, 1909, с. 174]. Этический

аспект слова связан с присутствием в нем памяти о «первом» слове, поэтому «мы не знаем другого средства, кроме подчинения внутренней личности единому, верховному, определяющему принципу. Это и есть внутренний канон» [Там же, с. 175].

Именно художник как творец, «демиург» может рассказать о том, как зарождается художественное творение из «духа музыки». Если личность пассивна, а не энергетически активна, искусство становится неизбежно жертвой болезненного психологизма. Жизненным будет искусство, если художник будет жить актуально и активно и, пересоздавая искусство, будет претворять слово в жизнь. Отсюда строгие этические установки символистов в работе со словом.

Символисты твердо отстаивают свои позиции художников слова: нельзя соглашаться с правом субъективного лирика исказить данность до неузнаваемости или так поглощать ее, что изображение внешнего мира превращается в несвязный кошмар. Нельзя признавать права называть вещи несвойственными этим вещам именами и приписывать им несвойственные признаки. Нельзя принимать «изнасилования» данности лирическим субъективизмом. Символ — это образ, взятый из природы и преобразованный творчеством; символ — образ, соединяющий переживание художника и черты, взятые из природы.

Рефлексия символистов над языком, словом, творчеством дает нам возможность понять огромный культурный смысл, который они придавали слову, раскрыв его антиномичность — от слова-термина до слова-символа. Символ неисчерпаем, с ним «зацветают чудеса», и сила слова заключается в том «живом» отзыве, который автор находит в «понимающем». Между ними возникают миры и миры, которые приобщают к высшим смыслам.

Литература

- Белый А.* Магия слов // Белый А. Символизм. М., 1910а.
Белый А. Мысль и язык [Философия языка А.А. Потебни] // Логос. Кн. 2. М., 1910б.
Блок А.А. О назначении поэта // Три века русской метапоэтики : антология: в 4 т. Т. 2. Ставрополь, 2005.
Иванов В.И. Заветы символизма // Три века русской метапоэтики : антология: в 4 т. Т. 2. Ставрополь, 2005.
Иванов В.И. По звездам. СПб., 1909.
Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Егеньевой. Т. 1–4. М., 1985–1988 (МАС).
Чуковский К.И. Живой как жизнь // *Чуковский К.И.* Сочинения: в 2 т. Т. 1. М., 1990.